

Раздел 1. Культура в системе политических процессов: исторический опыт и современные вызовы

Синецкий Сергей Борисович,

доктор культурологии, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе, Челябинский государственный институт культуры, Россия, г. Челябинск, sbs62@mail.ru

УДК 008.001

Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке

Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200.2018.6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Аннотация. В статье представлены три ключевых вектора культурной политики, исходя из цивилизационных парадигм, сформировавшихся к концу первого десятилетия XXI века: традиционалистской, инновационной и междцивилизационной (адаптирующей). Приводится сравнительный анализ альтернативных моделей цивилизационных состояний различных сообществ. Смысл культурной политики на глобальном уровне заключается в поддержании баланса традициональности и инновационности, для обеспечения сохранения человечества как вида в рамках соответствующих цивилизационных форматов.

Ключевые слова: культура, культурная политика, цивилизация, цивилизационная парадигма, будущее.

Sergei Sinetski

Doctor of Cultural Studies, Vice-rector for research and innovation, Chelyabinsk State Institute of Culture, Russia, Chelyabinsk

Universal Priorities and Civilizational Paradigms of Cultural Policy in the XXI Century

Abstract. The article presents three key vectors of cultural policy, based on the civilizational paradigms formed by now, that is by the end of the first twenty years of the XXI century. There are the traditionalist, innovative and intercivilizational (adapting) paradigms behind the research. This article gives a comparative analysis of alternative civilizational states in different communities. The meaning of the cultural policy at the global level is to maintain balance of tradition and innovation. Moreover, cultural policy ensures the preservation of humanity as the species within the relevant civilizational formats.

Key words: culture, cultural policy, civilization, civilizational paradigm, future.

Констатация комплексной проблемности состояния человеческого социума стала общим местом в гуманитарном дискурсе первого десятилетия XXI века. Внимание научного сообщества постепенно концентрируется вокруг нескольких факторов, наиболее существенных для углубленной концептуальной проработки перспектив человечества как «единой семьи» (Carl Wieland) с учетом все более оформляющихся цивилизационных различий составляющих его макросоциумов.

Ключевыми взаимосвязанными факторами, определяющими современную социокультурную ситуацию, являются ускорение времени и научно-техническая революция.

Под ускорением времени мы понимаем, естественно, не ускорение движения часовой стрелки, но постоянное увеличение количества культурно-детерминированных операций, осуществляемых в единицу времени. Одним из первых (1970 год) в новейшей истории феномен ускорения времени обозначил в своей монографии «Шок будущего» Э. Тоффлер. Несмотря на то, что книга была написана еще до наступления эры Интернета, в ней точно представлены тенденции и основные последствия изменения скорости социального времени.

Подробный и разноаспектный анализ ускорения социального времени в исторической ретроспективе дан в монографических трудах немецкого социолога Р. Хартмут (Rosa Hartmut). В своих работах автор аккумулирует основные идеи западных ученых различных областей знания, обращающихся к соответствующей проблематике. В ее монографиях приводится большое количество примеров из различных областей человеческой практики, эмпирически подтверждающих существование самого факта «ускоряющейся современности» [1; 2].

Об актуальности проблематики ускорения времени говорит тот факт, что на момент написания данной статьи при запросе «Acceleration Social Time» на платформе для обмена исследовательскими работами Academia.edu выпадает более 100 000 названий научных публикаций, выполненных учеными из разных стран мира. Яркой иллюстрацией, подтверждающей факт прогрессирующего ускорения времени, является оценка ситуации, данная С. П. Капицей: «Известно, что Древний мир длился три тысячи лет, средние века — уже 1000, Новое время — 300 лет, Новейшая история — чуть более 100. Скажем, если история Египта и Китая исчислялась династиями и продолжалась тысячелетия, Римская империя только распадалась тысячу лет, то современные империи исчезали за десятки лет, а советская и того быстрее. Дальше время истории сжиматься уже просто не может, так как есть предел — жизнь человека» [3].

Если сам факт радикального ускорения времени более не требует доказательств, то охват им различных человеческих сообществ нуждается в уточнении. Дело в том, что далеко не все население планеты несет условно равную нагрузку, связанную с вовлеченностью в новую темпоральность. Так, одной из значимых констатаций, сделанных Э. Тоффлером, является идея о разной скорости изменений, происходящих в различных сегментах глобального социального организма. «Будущее проникает в настоящее с разной скоростью. Таким образом, можно сравнивать скорость разных процессов по мере их развертывания. Мы знаем, например, что по сравнению с био-

логической эволюцией видов культурная и социальная эволюции происходят чрезвычайно быстро. Мы знаем, что некоторые общества технологически или экономически трансформируются быстрее, чем другие. Мы также знаем, что разные секторы одного и того же общества показывают разную скорость изменения» [4, с. 33]. Данный вывод, служащий эвристическим основанием для выдвижения гипотез цивилизационного будущего нашей планеты, разделяют многие ученые. «Социальное время ... — понятие неоднородное — пишут В. М. Жеребин, О. Н. Вершинская и О. Н. Махрова. — Прежде всего, для человечества в целом, отдельной нации, социальной группы или индивидуума — это поток происходящих событий или возникающих ситуаций, плотность которого и скорость может меняться» [5, с. 73]. Отсутствие «единой оси времени» и существование «многолинейной модели исторического времени» (параллельно протекающих временных процессов) находит свое подтверждение в расчетах, выполненных С. Н. Гринченко и Ю. Л. Шаповой [6]. О параллельном существовании различной социальной темпоральности свидетельствуют результаты исследований О. В. Головашиной [7]. На неодинаковую темпоральность различных социальных систем указывает и Р. Хартман, обращая внимание на наличие у них «собственных внутренних временных рамок» и возможности жить с разной скоростью, что делает возможной системную десинхронизацию и появление «неодновременности одновременного» [2, с. 259–276]. Обстоятельный анализ феноменов «темпоральность», «историческая память», «время» в контексте культурологической парадигматики дан в диссертационных исследованиях современных российских авторов И. А. Ильинской [8] и М. Л. Шуб [9].

Для понимания цивилизационных перспектив человечества важно зафиксировать отсутствие единого темпорального мейнстрима в его развитии. Этот факт, как правило, игнорируется учеными при оценке складывающейся ситуации. Традиционно, основные проблемы человечества видятся в неконтролируемом ускорении времени. Однако гораздо большую проблему может представлять темпоральная несовместимость (рассогласованность) больших человеческих сообществ.

Вторым важным фактором, определяющим современную социокультурную ситуацию, является научно-техническая революция. Данная тема предельно активно обслуживается различными общественными и гуманитарными науками, популяризируется в публицистическом и художественном творчестве. Бессмысленно здесь перечислять конкретные примеры, характеризующие современную НТР, ибо все они присутствуют в актуальном информационном пространстве, эмпирически фиксируются в повседневной жизни. Революционность изменений заключается в сочетании радикализирующейся функциональности инноваций и скорости их рутинизации и архаизации. Изобретения, появляющиеся в качестве инноваций, нередко устаревают и становятся неактуальными уже к моменту их освоения условной критической массой пользователей (вспомним кассеты VHS, пейджеры, механические накопители информации и др.). Прогнозы развертывания НТР, описанные в работах А. А. Болонкина, И. В. Вищева, М. Диринга, К. Дрекслера, К. Келли, В. М. Кишинца, Р. Курцвейла, С. Лема, Д. Нейсбита (и многих других адептов футурологии), становятся тен-

денциями, все более набирающими темп. Тем не менее для понимания остроты ситуации укажем на три основополагающих вектора современной НТР.

Первый связан с курсом на принципиальное продление человеческой жизни, а в перспективе — достижение человеком «практического бессмертия» (В. И. Вишев).

Второй связан с совершенствованием технологий клонирования животных, отдельных органов человека и вероятной легализацией клонирования самого человека.

Третий, в своем объективном смысле, направлен на изменение самой природы человека под воздействием трех активно развивающихся научных направлений: биоинженерии, нанотехнологий, информационных технологий.

Системное описание каждого из обозначенных векторов НТР было выполнено нами ранее [10, с. 108—148]. Здесь лишь добавим указание на имманентные любой НТР технологические изменения, происходящие во всех без исключения сферах хозяйственной деятельности. В данном конкретном случае это взрывное развитие робототехники, беспилотных летательных аппаратов и автомобилей, умных гаджетов и других технологических инноваций, в комплексе радикально изменяющих как социальные отношения, так и среду бытования.

Однако, по аналогии с темпоральными процессами, далеко не все человечество сколько-нибудь равномерно включено в процессы НТР. Рядом с обществами высокотемпоральными, инновационными, сосуществуют, соседствуют общества низкотемпоральные, традиционалистские. По сути, речь идет о различных цивилизационных путях, а возможно, и о разных направлениях рационально осуществляемой эволюции (Б. Х. Банати). Мы полагаем, что целый ряд противоречий, наблюдаемых в отношениях между человеческими сообществами (не обязательно локализующихся в рамках конкретных государств и иных административных границ), предопределен вовсе не борьбой за территорию и полезные ископаемые (как это часто представляется внешне) и не амбициями лидеров. Источником наиболее значительных конфликтов является цивилизационно-культурный антагонизм, несовместимость стратегических ориентиров-образов будущего, принимаемых противоборствующими сообществами. Речь о действительно фундаментальном выборе, интегрирующем ключевые ментальные и культурные парадигмы, определяющие специфичность конкретных социумов. Такие, по сути, цивилизационные парадигмы обобщенно можно маркировать знаками «Future» («будущее») и «Retro» («назад»). Подробный параметрический анализ каждого из указанных цивилизационных типов представлен нами в работе «Концепты “Retro” и “Future”: актуальные индикаторы типологизации регионов» [11]. Здесь же будет подробно описан культурологический аспект их сосуществования и объективная роль каждого для перспектив человечества как вида.

Знаком «Future» мы маркируем сообщества, условно относящиеся к цивилизации западного типа: страны Западной Европы, США, Канада, Япония, Южная Корея (список далеко не исчерпывающий). Указанные страны со всей очевидностью выбрали инновационный путь развития. Несмотря на географическую разбросанность, данные страны представляют единый регион, имеющий основанием близкий набор ценностей, схожую методологию общественного управления, взаимоадаптированную

систему стандартизации, образования, юридических норм. Интенционально сюда относятся Китай и Индия. Логика развития инновационных сообществ может быть обозначена как движение от известного к неизвестному, из прошлого в будущее, от «точки запуска» к бесконечному постижению мира, глобальному эксперименту.

Знаком «Retro» мы обозначаем, в первую очередь, сообщества ряда стран арабского (Саудовская Аравия, Иордания, Йемен, Ливия, Сирия и др.) и среднего востока (Афганистан), южной (Пакистан) и юго-западной Азии (Иран), целого ряда стран Африки (Эфиопия, Мали, Сомали, Нигерия и др.). Сообщества, проживающие в указанных странах (и цивилизационно близкие им), жестко отстаивают догматы традиции, воспроизводя социально-экономические отношения, свойственные доцифровым хозяйственным укладам. Интенционально сюда относятся многие исламские диаспоры, все активнее размещающиеся в географическом пространстве Западного мира. Логика развития традиционалистских сообществ может быть обозначена как стремление к сохранению устойчивости, возвращение к апробированному, абсолютизация собственной аутентичности.

Помимо двух названных цивилизационных типов существуют промежуточные (маргинальные) с менее выраженными интенциями развития. Однако именно цивилизационные сообщества, мейнстримно определившиеся как «Future» или «Retro», определяют глобальную ситуацию в мире.

Выдвигая гипотезу разделения человечества на большие группы с альтернативными векторами цивилизационного развития, мы придерживаемся принципа безоценочности. Мы полагаем, что разные варианты цивилизационного бытования человечества на данном историческом этапе обеспечивают необходимый баланс для его сохранения как вида. В то же время необходимо осознавать, что сосуществование этих цивилизационных миров носит в целом конфликтный характер. Нередко конфликт приобретает острые формы, вплоть до физического противостояния. Такой конфликт вытекает из различных нормативно-ценностных установок — культурной несовместимости «Future» и «Retro» сообществ.

Пользуясь принципом конгруэнтности при анализе многочисленных определенных культур, последнюю можно определить как сочетание объективно усвоенных, воспроизводимых и транслируемых норм мышления и деятельности и субъективно принятых ценностей, определяющее содержание общественной жизни [см. подробнее 10, с. 37]. Именно сочетание тех или иных норм и ценностей определяет самобытность сообщества, обеспечивает возможность самоидентификации его членам, отличия своих от чужих. Как справедливо отмечал М. Хайдеггер, «в сущности культуры заложено то, что она, будучи . . . опекаем высших благ, берет на попечение и самое себя и таким образом делается культурной политикой» [12, с. 135–136]. М. Хайдеггер, в свойственной ему манере, объяснил двойственную генетическую функцию культуры: самосохраняться, воспроизводясь в традициях, и осуществлять экспансию в пространство других культур. Любая культура стремится к доминированию путем

распространения собственных норм и ценностей на как можно большее количество людей. Здесь, естественно, возможны нюансы, но в статье мы будем вынуждены их игнорировать для соблюдения формата.

Очевидно, что нормативно-ценностное содержание культур, лежащих в основе рассматриваемых цивилизационных типов, принципиально различно. Остановимся лишь на наиболее очевидных различиях, проявляющихся в рутинных культурных практиках.

1. Характер коммуникаций, объективно воспроизводящийся в любых институционально организованных группах с разной степенью выраженности (в зависимости от типа группы и локальной традиции): семья, общество, образование, производство, управление и др.

Future-культура	Retro-культура
Конкурентный, диффузный (демократический)	Вертикальный, армейский (контролируемый)

2. Семейно-родовые отношения как воспроизводимый социальный мировоззренческий паттерн.

Future-культура	Retro-культура
Автономные, без обязательств, суверенизирующие новые поколения за пределами семьи	Кооперативные, преемственные, взаимобязывающие, интегрирующие новые поколения внутрь семьи (рода, клана)

3. Отношения с внешним социальным окружением по критерию «открытость» — «закрытость».

Future-культура	Retro-культура
Разнообразие образов, самопрезентационность, публичность	Консервативность, интимность, избирательность (предписанная семейной традицией)

4. Готовность к риску и распределение ответственности за рискованные действия.

Future-культура	Retro-культура
Риск имманентен социализации. Ответственность за рискованные действия несет лично субъект, принимающий решение действовать	Риск нежелателен. Ответственность за рискованные действия распределены между членами семьи (переносятся на семью)

5. Отношение к различным практикам репродуктивности и самоодернизации.

Future-культура	Retro-культура
Позитивное. Готовность включаться в эксперименты по зачатию и вынашиванию детей, использовать пластическую хирургию, психологические практики и т. д.	Негативное. Традиционализм при выполнении репродуктивной функции, обращение к косметической медицине, психологическим практикам лишь в экстренных ситуациях (опасность для жизни и здоровья)

На более высоком уровне обобщений различия будут такими:

1. Отношение к жизни и смерти.

Future-культура	Retro-культура
Смерть — ошибка природы, которую нужно преодолеть	Смерть — фатальная неизбежность, с которой нужно смириться

2. Ведущая мировоззренческая парадигма.

Future-культура	Retro-культура
Движение от известного (рождение ребенка) к расширяющемуся неизвестному — бесконечности жизни и новым открытиям	Движение от неизвестного (рождение ребенка) к конкретизирующемуся известному — к смерти через апробированные практики бытия

3. Смысл жизни

Future-культура	Retro-культура
Самореализация, творчество, удовольствие	Выполнение субъективно понимаемого долга, соответствие требованиям общества, подвиг

Интересно, что подавляющее большинство работ на тему будущего рассматривают человечество как условно единое общество, находящееся под влиянием одних и тех же тенденций развития. Однако даже простое сопоставление приведенных различий позволяет говорить как минимум о двух больших социальных группах, живущих в разных культурных мирах. Сосуществование этих групп носит зачастую остроконфликтный характер в силу объективных экспансионистских интенций каждой из культур. Экспансия Future-культуры осуществляется с помощью экспорта технологий, высокотехнологичных товаров, расширения пространства виртуальной реальности, образовательных и научно-просветительных проектов. Экспансия Retro-культуры осуществляется через массовую миграцию своих адептов в пространство культуры-

конкурента, образовательных и просветительных проектов традиционалистского содержания. На линиях прямого соприкосновения данных культур практически постоянно фиксируется ситуация конфликта. Последнее актуализирует тему осуществления специальной культурной политики, обеспечивающей максимально мирное сосуществование данных культурно-цивилизационных сообществ.

Культурную политику можно определить как целенаправленную, перспективно (долгосрочно) ориентированную деятельность, обеспечивающую развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей.

Таким образом, в XXI веке культурная политика будет представлена как минимум в трех цивилизационных парадигмах:

- во-первых, сохранится ее условно традиционная парадигма, реализуемая в обществах Homo Sapiens, сохранивших собственно человеческие биосоциальные свойства, темпоритмы реакций, традиционалистские способы социализации и т. п. Традиционалистские общества в целом, с поправкой на интенсификацию коммуникативных процессов, сохраняют свойственные современным людям физические и ментальные свойства;

- во-вторых, все более отчетливо оформляется парадигма, адекватно отражающая сущность общества новых людей, вступивших в процесс преобразований себя и окружающего мира на основе достижений научно-технического прогресса, вплоть до преобразования в кибернетическое состояние;

- в-третьих, предстоит выработать междивизиационную культурную политику, обеспечивающую мирное соседство представителей разных цивилизаций.

Формирование третьей, междивизиационной парадигмы требует

- во-первых, понимания потенциала каждого культурно-цивилизационного типа для обеспечения выживания и воспроизводства человечества как вида;

- во-вторых, свойственных им ограничений, рисков для будущего человечества.

В самом общем укрупненном виде такие возможности и ограничения таковы:

Возможности	Тип культуры	Ограничения
Достижение в перспективе XXI века радикального продления жизни	Future-культура	Отсутствие массового опыта долгожительства. Несформированность экономического запроса на использование прирастающего населения
Создание в перспективе XXI века эффективных технологий воспроизводства живых существ не половым путем, а также технологий радикального интеллектуального и телесного совершенствования человека		Отсутствие опыта массовой социализации людей «из пробирки», понимания их социального и юридического статуса. Отсутствие социального опыта и юридических оснований сосуществования традиционных и кибернетических людей (а также искусственного интеллекта)
Обеспечение в перспективе XXII века экспансии за пределы планеты Земля		Риск техногенных катастроф, связанных с производством и использованием новых видов энергии, топлива, глобальных ошибок искусственного интеллекта

Апробированность и привычность воспроизводства человека половым путем, понятность жизненного пути, форм его организации и длительности этапов	Retro-культура	Риск несоответствия традиционного темпорального уклада жизненного цикла личности сложившейся ситуации ускорения социального времени
Апробированность и привычность способов воспроизводства и бытования человека в условиях индустриального, аграрного и более ранних типов хозяйства		Риск несоответствия архаичных способов хозяйствования требованиям роста производительности труда, склонность к глобальной стагнации
Высокая адаптированность к жизни в условиях социальной нестабильности и ограниченности ресурсов		Склонность к решению проблем силовым путем, восприятие нужды и конфликта как нормы

В целом Future-культура обеспечивает инновационный прорыв в высокотехнологичное будущее, но с весьма непредсказуемыми последствиями для сохранения человека как сложившегося природного вида. Retro-культура обеспечивает воспроизводство сложившихся практик бытования человека с постепенной их архаизацией, влекущей радикальное снижение качества жизни, вплоть до сегментарного популяционного вырождения. Становится очевидным, что ключевыми для человечества являются риски, связанные с его глобальной монокультуризацией. Условная победа одной из культур в исторически короткой перспективе приведет к разрушению баланса традиции и новации, обеспечивающего поступательный, без явных витальных угроз эволюционный процесс.

Смысл культурной политики на глобальном — межгосударственном и международном — уровне заключается в том, чтобы удерживать два альтернативных цивилизационно-культурных сообщества от взаимного уничтожения; формировать систему норм и ценностей будущего с учетом перспектив научно-технического прогресса, формирующего свойства и качества нового человека. Речь о поддержании баланса воспроизводственности и инновационности. С одной стороны, для предотвращения конфликтности и хаоса культурная политика должна обеспечивать преемственность и постепенность развития. С другой — поддерживать необходимый темп инновационных преобразований, необходимый для эффективного поиска или создания новых ресурсов, позволяющих человечеству самосохраниться как виду и перейти на новую эволюционную ступень.

Как справедливо отмечает Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума в Женеве, «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи — времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [13, с. 14]. Ни в культурной или административной практиках, ни в теоретических представлениях (концепциях) не имеется готовых шаблонов (аналогов) осуществления по сути межцивилизационной культурной политики. Социальные структуры, отвечающие за интеллектуальное обеспечение человечества, столкнулись с проблемами, которые ранее им решать не приходилось. В этом смысле состоятельность человечества как вида зависит от качества интеллектуальных систем, которые ему удалось сгенерировать к настоящему времени.

Список использованной литературы

1. Hartmut R. Alienation and acceleration, towards a critical theory of late-modern temporality. Malmö : NSU Press, 2010. 111 p.
2. Hartmut R. Social acceleration: a new theory of modernity / translated by J. Trejo-Mathys. New York : Columbia University press, 2013. 512 p. (New Directions in Critical Theory (Book 32)).
3. Капица С. П. Почему мельчают гении: во всем виновата теория сжатия времени, убежден профессор Сергей Капица : интервью с С. П. Капицей / вел Ю. Медведев // Российская газета. 2006. 11 янв. URL: <http://www.rg.ru/2006/01/11/genii.html/> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
5. Жеребин В. М., Вершинская О. Н., Махрова О. Н. Современное восприятие времени и ускорение темпа жизни // Народнонаселение. 2014. № 2. С. 72–82.
6. Гринченко С. Н., Щапова Ю. Л. Историческое время и модели его «ускорения» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3(31). С. 40–45.
7. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. 2016. № 3. С. 42–56.
8. Ильинская Е. А. Образ и концепт времени как факторы генезиса и динамики культурных систем : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 теория и история культуры. СПб. : СПбГУП, 2017. 42 с.
9. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 теория и история культуры. Челябинск : ЧГИК, 2018. 43 с.
10. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 288 с.
11. Синецкий С. Б. Концепты «Retro» и «Future»: актуальные индикаторы типологизации регионов // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. / Обществ. палата Челяб. обл. ; НОУ ВПО «Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладосина». Челябинск, 2014. С. 196–199.
12. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем. М. : Гнозис, 1993. 464 с.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. (Top Business Awards).